Учение преподобного Иоанна Кассиана о Евхаристии и причащении

Доклад председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректора Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия, председателя Синодальной Библейско-богословской комиссии митрополита Волоколамского Илариона на конференции "Преподобный Иоанн Кассиан и монашеская традиция христианского Востока и Запада".

Уважаемые участники конференции!

Мы собрались сегодня на площадке Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых Кирилла и Мефодия для того, чтобы обсудить духовное наследие выдающегося духовного писателя — преподобного Иоанна Кассиана Римлянина.

Это уже третья патристическая конференция Общецерковной аспирантуры и докторантуры. Предыдущие две были посвящены соответственно **преподобному Исааку Сирину** и **преподобному Симеону Новому Богослов**у. Мы рады предложить вниманию участников настоящей конференции сборник трудов первой конференции, вышедший на русском языке в издательстве Общецерковной аспирантуры и на английском — в крупнейшем американском православном издательстве St Vladimir’s Press. Сборник конференции по преподобному Симеону сейчас готовится к печати.

Изучение наследия Святых Отцов имеет приоритетное значение для нашего учебного заведения и для всех православной богословской науки. На наши конференции мы приглашаем лучших специалистов по каждому из изучаемых авторов — с тем, чтобы их наследие было представлено с возможной полнотой. С самого начала мы решили двигаться по трем направлениям — ориентальному, греческому и латинскому. Первым в фокусе нашего внимания оказался сирийский автор, за ним следовал греческий. Теперь очередь дошла и до латинского. Если мы будем продолжать в том же темпе, то в следующем году, с Божией помощью, проведем конференцию по преподобному Ефрему Сирину — автору, оказавшему значительное влияние на развитие православного богословия и литургической поэзии.

Итак, в центре нашего внимания сегодня — преподобный Иоанн Кассиан, имя которого известно не только на латинском Западе, где он жил и подвизался, но и на православном Востоке.

В своем докладе я хотел бы рассмотреть учение преподобного Иоанна Кассиана о Евхаристии и Причащении Святых Христовых Тайн. Эта тема остается практически не изученной в обширной научной литературе, посвященной святому[1]. Исследователи обходят эту тему молчанием как не получившую такого же обстоятельного осмысления, как например, у преподобного Симена Нового Богослова, посвятившего Евхаристии многие десятки страниц. Однако рассуждения Кассиана о Святом Причащении отнюдь не являются случайными упоминаниями, затерявшимися среди рассказов о египетских подвижниках или наставлений общеаскетического характера.

Учение преподобного о Евхаристии целесообразно рассмотреть в двух перспективах: синхронической — в контексте распространения монашества на христианском Западе и захлестнувших его пелагианских споров, и диахронической — определяя место учения святого Кассиана в святоотеческой традиции евхаристического богословия.

Анализ корпуса сочинений преподобного Иоанна Кассиана на предмет употребления в нем терминов *dominica*/*sacra* /*sacrosancta communio* и *perceptio* (*sacramentorum*) показывает, что все его богословски значимые рассуждения о Евхаристии содержатся, главным образом, в «Собеседованиях». Они открываются дискуссией вокруг случая, связанного с очень специфическим вопросом пастырской практики, ответственность за решение которого возьмет на себя далеко не каждый духовник. Речь идет о причащении бесноватых. Святой Кассиан приводит точку зрения, согласно которой одержимость нечистыми духами попускается грешникам в качестве «смиряющего искушения» (temptationis humiliatio), которое приведет их к очищению и исправлению. Авва Герман, один из участников собеседований, в ответ на эту точку зрения выдвигает следующее возражение: если одержимость посылается промыслительно, то почему же бесноватых не только боятся и презирают, но еще и отлучают их причащения Святых Таин? Герман ссылается на практику, принятую в Египте, и отмечает, что ее обосновывают словами Спасителя: «*Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями*» (Мф 7. 6).

Слова Мф 7. 6 имеют очень древнюю традицию евхаристического толкования: оно засвидетельствовано уже в «Учении двенадцати апостолов». Эти слова связывались с невозможностью причащать лиц, не принадлежащих к христианской общине: "Пусть же никто не ест и не пьет от Евхаристии вашей, кроме как крещеные во имя Господне. Ибо об этом сказал Господь: *Не давайте святыни псам"*[2].

Практика, упоминаемая Германом, на первый взгляд, продолжает ту же традицию, однако святой Кассиан указывает на ее полное несоответствие евхаристическому сознанию Церкви. Если еретики не принадлежат к телу Церкви, то бесноватые, о которых идет речь, напротив, являются ее страждущими членами. Лишать их Святого Причащения значит не только проявлять

бессердечие, недостойное христианина, но и разрушать евхаристическое единство Церкви. Святой Кассиан с решимостью указывает на то, что «без них как своих членов мы не можем вполне совершенствоваться, как читаем, что и предки наши без нас не могли достигнуть полноты обещанного, как говорит о них апостол: *все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства* (Евр. 11. 39–40)».

Таким образом, святой относит слова апостола, сказанные о ветхозаветных праведниках, к тем членам Церкви, которых многие готовы были признать отверженными. Все члены Церкви, не отделившиеся от нее добровольно, составляют единое тело, и Евхаристия — залог этого единства. Именно поэтому, по мысли святого, на одержимых не только не следует налагать запрет на причащение, но, напротив, надо следить, чтобы они непременно причащались: "А святое причащение нашими старцами, помним, не запрещалось им, напротив, они думали, что им даже ежедневно (cotidie), если возможно, следует давать его"[3].

Обосновывая необходимость столь радикального шага —ибо, как мы покажем далее, даже монахи причащались гораздо реже, — преподобный Кассиан переходит от экклезиологического аспекта учения о Евхаристии к аспекту аскетическому. Он описывает воздействие Святых Тайн на человека: "Будучи принято человеком, оно (Святое Причащение. – М. И.), как пламя пожигающее, прогоняет того духа, который в его членах заседает или скрывается. Мы недавно видели, что таким способом был исцелен авва Андроник и многие другие. Ибо враг больше и больше будет нападать на одержимого им, когда увидит, что тот отлучен от небесного целительства, и тем злее и чаще будет мучить, чем дольше тот будет уклоняться от духовного целительства".

Здесь святой Кассиан использует понятие «небесное / духовное лекарство» (в русском переводе — «целительство»), *caelestis medicina* / *spiritale remedium*, которое без преувеличения можно назвать центральным для понимания его евхаристической концепции. Это понятие выводит его мысль за пределы частных аскетических вопросов, обсуждаемых в «Собеседованиях», ибо представление о том, что Евхаристия является лекарством, подразумевает, что *все* приобщающиеся ей нуждаются в исцелении.

Оба аспекта, аскетический и экклезиологический, у святого Кассиана раскрываются совместно, в одном и том же контексте. Евхаристия необходима каждому христианину, ибо она соединяет верующих в Иисуса в единое Тело Христово; она необходима каждому, поскольку все имеют нужду в исцелении. Значение Евхаристии как духовного лекарства не только напоминает каждому о его собственной болезни, но и обязывает членов Церкви проявлять сострадание друг к другу.

Понятие «небесного лекарства» у святого Кассиана имеет ближайшую смысловую и лексическую

параллель в творениях священномученика Игнатия Богоносца, который называл Евхаристию φάρμακον ἀθανασίας, «лекарством бессмертия»[4]. Это наименование Евхаристии неоднократно повторяется в последующей патристической традиции. В III веке выражение «лекарство бессмертия» (φάρμακον ἀθανασίας) употребляет Климент Александрийский[5], в IV веке в так называемом Евхологии святителя Серапиона Тмуитского Евхаристия названа «лекарством жизни» (φάρμακον ζωῆς)[6]. В этом же столетии в «Апокритике», приписываемой святителю Макарию Магнезийскому и представляющей собой апологию церковного учения о причащении Тела и Крови Христовых, Евхаристия названа «лекарством Божества» (φάρμακον τῆς Θεότητος). Термин «лекарство» по отношению к Святым Дарам употребляет и святитель Григорий Богослов[7]. Преподобный Ефрем Сирин обыгрывает двусмысленность сирийского слова ܣܡܐ *sammā*, означающего как «лекарство», так и «яд»**[8]**, говоря о Евхаристии как о лекарстве, которое может оказаться ядом для недостойно причащающихся[9]. В «Макариевском корпусе» похожий двойственный образ раскрывается в ином ключе: Евхаристия есть лекарство, упраздняющее греховный яд, причем найдено это лекарство в самом теле отравленного Адама — теле, воспринятом Спасителем[10].

Уже у самых истоков церковного учения о Евхаристии мы видим то же единство аскетики и экклезиологии, что и у святого Кассиана. Священномученик Игнатий Богоносец в упомянутом выше контексте из Послания Ефесянам ставит в неразрывную взаимосвязь действие Евхаристии как лекарства бессмертия и ее экклезиологическое значение как залога единства общины: "...я в другом послании... раскрою только что начатое мною домостроительство Божие относительно нового человека, Иисуса Христа... если Господь мне откроет, что *все вы до единого, без исключения по благодати Божией соединены в одной вере и в Иисусе Христе*, происшедшем по плоти от рода Давидова, Сыне Человеческом и Сыне Божьем, так что повинуйтесь епископу и пресвитерству в совершенном единомыслии, *преломляя один хлеб*, это *врачевство бессмертия, не только предохраняющее от смерти, но и дарующее жизнь во Иисусе Христе*"[11].

У святого Кассиана, однако, акцент в его экклезиологическом осмыслении Евхаристии ставится на призыве к состраданию: христиане как члены единого тела Церкви не должны разрывать евхаристическое общение со своими немощными собратьями.

Оба аспекта евхаристической концепции святого Кассиана, аскетический и экклезиологический, становятся основанием для его учения о частом причащении. Во-первых, христиане должны осознавать себя больными и нуждающимися в исцелении и потому стремиться принять «небесное лекарство»: "Впрочем, мы не должны устраняться от причащения Господня из–за того, что сознаем себя грешниками; но *еще более и более, с жаждою нужно поспешать к нему* для врачевания души и очищения духа, однако с таким смирением духа и верою, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы больше желали лекарства для наших ран"**[12]**.

Во-вторых, по этой же причине христиане должны заботиться о частом причащении страждущих членов тела Церкви. Знаменитое место в 7-м «Собеседовании», где преподобный Иоанн Кассиан говорит о ежедневном причащении, уникально в корпусе его творений. В русском переводе «Собеседований» есть также следующее упоминание о каждодневном причащении: "...гораздо правильнее было бы, чтобы мы с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святых Тайн, каждый день принимали их для врачевания наших недугов, нежели, превознесшись суетным убеждением сердца, верить, что мы после годичного срока бываем достойны принятия их"[13].

Однако сравнение с оригинальным латинским текстом показывает, что здесь мы имеем дело с переводческой ошибкой. На самом деле св. Кассиан говорит *ut… singulis ea dominicis ob remedium nostrarum aegritudinum praesumamus* — «чтобы мы принимали их каждое воскресенье для врачевания наших недугов». Эти слова согласуются с хорошо известной монашеской практикой: так, в «Луге духовном» мы постоянно встречаем упоминания об обычае причащаться каждое воскресенье[14].

Очевидно, святой Кассиан на практике сталкивался с противниками этого обычая, утверждавшими, что в течение недели невозможно достойно подготовиться к принятию Святых Таин и монаху надлежит причащаться лишь тогда, когда он достигнет соответствующего уровня духовного совершенства. Святой Кассиан усматривал в этой точке зрения опасное духовное искушение. Как монах сможет понять, что достиг духовного совершенства? И может ли это совершенство быть таким, что будет соответствовать величию Евхаристии? Допустив, что он в достаточной мере подготовился к причастию Святых Таин, монах неизбежно впадет в гордыню. Напротив, утверждает преподобный, осознание того, что для немощного человека Евхаристия — это духовное лекарство, приводит христианина к смирению. Гораздо лучше чаще принимать Святые Тайны, как больному — лекарство, нежели воспринимать Евхаристию как духовную награду за совершённые подвиги: "А иначе и один раз в год нельзя достойно принимать причащение, как некоторые делают, которые, живя в монастырях, достоинство, освящение и благотворность небесных таинств оценивают так, что полагают, будто принимать их должны только святые, непорочные; а лучше бы думать, что эти таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они больше высказывают гордости, нежели смирения, как им кажется; потому что когда принимают их, то считают себя достойными принятия их"[15].

Данные рассуждения касаются не только аскетической практики. Они непосредственно связаны с богословскими спорами, активным участником которых был преподобный Иоанн Кассиан. Утверждение о том, что ни один человек не может своими силами достичь той меры святости, чтобы стать достойным причащения, было направлено непосредственно против концепции

Пелагия. Выше мы указывали на то, что в 13-м «Собеседовании» Иоанн Кассиан вел полемику как с пелагианством, так и с крайностями учения блаженного Августина о благодати. Здесь, в 22-м и 23-м «Собеседованиях», в связи с евхаристической проблематикой Иоанн Кассиан возобновляет свою полемику с новой силой, утверждая, что даже при огромном усилии воли человек не может быть свободен от непроизвольного греха: "Никто, обложенный этою бренной плотью, не принимает эту святую пищу по своей заслуге, а только по незаслуженной милости Господней… никто в борьбе с этим миром не может быть так осмотрителен, чтобы не уязвляли его хоть редкие или легкие стрелы грехов, ибо невозможно, чтобы человек не согрешил или по неведению, или по нерадивости, или по легкомыслию, или по увлечению, или по рассеянности помыслов, или по нужде какой–либо, или по забвению. Если бы кто и взошел на самый верх добродетелей… однако [и он] должен знать, что он не может быть без греха"[16].

В связи с этим интересно рассуждение святого Кассиана о самом понятии «святость». Давая его определение, преподобный фактически апеллирует к ветхозаветному пониманию святости: «быть… святым» значит быть «посвященным богопочтению (divino cultui consecratum), ибо это имя, по свидетельству Священного Писания, есть общее не только для людей, но и для мест, и сосудов храма, и жаровен»[17]. Другими словами, «быть святым» значит быть удаленным от всего профанного и нечистого. При таком определении становится понятным призыв «освятиться» перед богоявлением на Синае, обращенный к израильтянам (Исх. 19:10, ср. 19:14–15), и сообщение о том, что священники и левиты «освятились… для того, чтобы нести ковчег Господа, Бога Израилева» (1 Пар. 15:14).

Но почему святой Кассиан излагает здесь ветхозаветную концепцию святости, при которой трудно усмотреть принципиальное различие между святостью людей и святостью священных сосудов? Потому что те, кто считает, что к Причащению возможно приготовиться должным образом, фактически воспроизводят эту концепцию.

Христианское понимание святости, напротив, подразумевает внутреннее преображение человека. И тут зависимость оказывается обратной: не святость становится условием для принятия Евхаристии, а Евхаристия становится условием достижения святости, ибо внутреннее преображение человека не возможно без Причащения. Каждый человек, при всех своих усилиях, не может быть совершенно свободен от греха, и «быть без греха… приличествует единственно величию Господа нашего Иисуса Христа»**[18]**.

При осознании этого «ветхозаветный» подход к причащению Святых Таин оказывается невозможен. Святые Тайны — это не некий священный предмет, соприкосновение с которым требует предварительного очищения. Причащение всегда *диалогично*, это живой призыв Живого Бога, Которого христианин дерзает принимать в Святых Дарах, призыв, требующий ответа.

Человек, не слышащий этот призыв и не готовый ответить на него, причащается, «не рассуждая о Теле и Крови».

Призывая к частому причащению, святой Кассиан выступал апологетом церковной традиции, хорошо известной как на Востоке, так и на Западе. Первые христиане причащались на каждом евхаристическом собрании, в котором они участвовали; кроме того, существовала практика хранить Святые Дары дома и причащаться в частном порядке. Об этой практике упоминает, в частности, Тертуллиан. Климент Александрийский говорит о том, что Христос ежедневно питает христианина, подавая ему Себя как хлеб и питие бессмертия[19]. В IV веке преподобный Нил Синайский писал: «Воздерживайся от всего тленного и каждый день причащайся божественной Вечери, ибо таким образом Христово Тело бывает нашим»[20]. Святитель Василий Великий писал: «Хорошо и весьма полезно каждый день приобщаться и принимать Тело и Кровь Христову… Впрочем, мы приобщаемся четыре раза каждую неделю: в день Господень, в среду, пятницу и субботу, а также и в другие дни, когда бывает память какого-либо святого»[21]. Согласно 8-му Апостольскому правилу, те, кто долго не причащались без уважительной причины, отлучались от Церкви. Тертуллиан и блаженный Августин слова молитвы Господней «хлеб наш насущный даждь нам днесь» понимали в том числе как указание на ежедневное причащение[22].

Не только в раннехристианскую эпоху, но и в более позднее время многие святые призывали к частому причащению. В XI веке преподобный Симеон Новый Богослов учил о необходимости ежедневно причащаться со слезами. Во второй половине XVIII века преподобный Никодим Святогорец и святитель Макарий Коринфский написали «Книгу душеполезнейшую о непрестанном причащении Святых Христовых Таин», книгу, которая до сих пор не потеряла своей актуальности.

Учение о частом причащении с неизбежностью приводит к постановке вопроса о недостойном принятии Святых Таин. Если преподобный Иоанн Кассиан полемизирует с теми, кто настаивал на необходимости продолжительного приготовления к причащению, и советует причащаться как можно чаще, то как быть с теми, кто приступает к Евхаристии легкомысленно?

Прежде всего, святой Кассиан указывает на двоякое действие Евхаристии: оно может не только подавать исцеление, но может и вызывать болезни и даже смерть тех, кто недостойно причащается. Эту мысль преподобный иллюстрирует цитатой из книги Левит, относящейся к ветхозаветным жертвам: *«Мясо чистое может есть всякий чистый; если же какая душа, имея на себе нечистоту, будет есть мясо мирной жертвы Господней, то истребится душа та из народа своего»* (Лев. 7. 19–20). Евхаристическое толкование этой цитаты особенно показательно в том отношении, что Книга Левит была обделена вниманием раннехристианских экзегетов, а большинство известных комментариев как на книгу в целом, так и на ее отдельные стихи, имеет

аллегорическую направленность. Здесь же святой Кассиан понимает слова «истребится душа из народа своего» буквально, как наказание смертью для тех, кто недостойно приступает к новозаветной жертве, естественное следствие того, что человек неподобающим образом употребил «небесное лекарство».

Может показаться, что преподобный Иоанн Кассиан приходит к противоречию, и действительно, Феона, один из участников «Собеседований», эксплицитно указывает на него: в одном месте святой Кассиан говорит о том, что нет ни одного человека, свободного от греха, и Евхаристию нужно принимать во исцеление, здесь же он утверждает, что только чистые могут причащаться. Если приобщаться Святых Таин могут только святые, но человеку невозможно вполне очиститься от греха и он нуждается в небесном лекарстве, то как же возможно его получить?

Выход из этого затруднения указывает сам преподобный, и он связан со способностью человека оценивать свое состояние и свои поступки. Человек не может не грешить, но он может осознать свой грех и признать себя грешником. Это осознание само по себе не очищает человека, но именно оно открывает человека для того изменения, которое совершает в нем Евхаристия. Прежде всего, чтобы «небесное лекарство» оказало свое спасительное действие, человек должен осознать, что нуждается в исцелении. Далее, даже признав свою греховность, человек может неправильно понять призыв в любом случае не отказываться от причастия. Это неправильное понимание может иметь то последствие, что грешник будет воспринимать приобщение святыне как должное. Именно так святой Кассиан понимает слова «не рассуждая о Теле и Крови».

При этом «небесное лекарство» по-прежнему будет действовать, и результаты этого действия Кассиан описывает как в медицинских, так и в юридических категориях. Во-первых, они подобны последствиям от неправильного употребления лекарства: человек впадает в сонливость, засыпая «сном греха, и от этого смертного усыпления никак не пробуждается для спасительной заботливости»**[23]** (здесь нельзя не вспомнить о двойном смысле как греческого φάρμακον, так и сирийского ܣܡܐ *sammā*, на который указывали отцы Восточной Церкви). Во-вторых, исцелению от греха, подаваемому Евхаристией, предшествует суд над ним. Но этот суд может вынести себе сам человек, и тогда причастие послужит ему во очищение грехов. Если же сам человек не осудил себя, то суд последует от Бога.

Святой Кассиан выделяет два этапа этого суда: в этом веке и в будущем. Суд в этом веке заключается в скорбях, посылаемых Богом для вразумления равнодушного и пробуждения его от «сна греха». Если же человек не изменяет свою жизнь, то его ждет суд и наказание будущего века. Именно так святой Иоанн понимает слова апостола Павла: *ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы* (1 Кор. 11:31).

Эти рассуждения преподобного Иоанна Кассиана удивительно созвучны комментарию преподобного Симена Нового Богослова на литургический возглас «Святая святым»: "Итак, что же? Кто не свят, тот и недостоин? Отнюдь. Но кто не исповедует ежедневно тайны сердца своего, кто не являет должное покаяние в них… кто не плачет всегда… тот недостоин. А делающий все это и проводящий жизнь свою в стенаниях и слезах вполне достоин не только в праздник, но и каждый день, хотя и дерзко сказать, с самого начала своего покаяния и обращения быть в Причастии этих Божественных Таин"[24].

Это созвучие тем более поразительно, что отношение преподобного Симеона к недостойному причащению противоположно концепции двоякого действия Евхаристии, раскрываемой святым Кассианом. Преподобный Симеон говорит, что причащающиеся без духовного созерцания питают лишь свое тело, но вовсе не душу, и даже приходит к утверждению о том, что недостойно принимающий Евхаристию «приобщается простого хлеба, а не одновременно и Бога»[25]. Другим радикальным выводом Симеона были слова о том, что человек не может причащаться до тех пор, пока не достиг святости. Однако анализ его высказываний на эту тему[26] делает очевидным, что преподобный Симеон говорил прежде всего о людях, не имеющих покаяния, и в качестве альтернативы рассматривал не отсутствие греха в человеке, а искреннее осознание греха и сокрушение о нем.

В своем учении о Евхаристии преподобный Иоанн Кассиан предстает, прежде всего, как организатор монашеской жизни. Все разбираемые им аспекты евхаристического богословия изначально связаны с конкретными практическими вопросами: как часто монахам следует причащаться; с какими искушениями они могут столкнуться при подготовке в принятию Евхаристии; как духовнику решить вопрос о достойном и недостойном причащении инока. Тем не менее, решение этих проблем святой Кассиан всегда выводит в сферу общих богословских вопросов.

Мерилом всех выносимых им суждений, критерием оценки всех разбираемых им мнений является представление о Церкви как Теле Христовом, духовным и внешним залогом единства которого является святая Евхаристия. Все его рассуждения основаны на внимательном прочтении Священного Писания, как Нового, так и Ветхого Завета. В этом отношении преподобный Иоанн Кассиан может послужить примером как для пастырей, стремящихся актуализировать евхаристическое сознание Церкви на своих приходах, так и для православных богословов, стремящихся донести до наших современников церковное учение о таинствах.

---

[1] Приведем лишь один выразительный пример: А. Касидэй в своей фундаментальной

монографии о богословии св. Кассиана (Casiday A. M. C. Tradition and Theology in St. John Cassian.Oxford, 2007) даже не упоминает о Евхаристии.

[2] Дидахи 9, 5.

[3] Иоанн Кассиан. Собеседования 7, 30.

[4] Игнатий Антиохийский. Послание к Ефесянам, 20.

[5] Климент Александрийский. Протрептик 10, 106, 2.

[6] Желтов М., диак. Евхаристия. Часть 1. Евхаристия в ранней Церкви. – Православная энциклопедия. Т. 17.

[7] Григорий Богослов. Слово 8, 18.

[8] Отметим, что греч. φάρμακον также может означать и «лекарство», и «яд».

[9] Ефрем Сирин. Об опресноках 16, 18.

[10] Макарий Великий. Духовные беседы (собрание типа II) 2, 12, 6.

[11] Игнатий Антиохийский. Послание к Ефесянам, 20. Выделено мной. — М. И.

[12] Иоанн Кассиан. Собеседования 23, 21. Выделено мной. — М. И.

[13] Иоанн Кассиан. Собеседования 23, 21.

[14] Впрочем, сам прп. Иоанн Кассиан в другом месте упоминает практику причащения по субботам и воскресеньям (Установления 3, 2). См. также: *Chadwick O.* John Cassian: A Study in Primitive Monasticism. Cambridge, 1950. P. 66.

[15] Иоанн Кассиан. Собеседования 23, 21.

[16] Иоанн Кассиан. Собеседования 22, 7.

[17] Иоанн Кассиан. Собеседования 22, 9.

[18] Иоанн Кассиан. Собеседования 22, 9.

[19] Климент Александрийский. Какой богач спасется 23, 4.

[20] Нил Синайский. Увещательные главы 94.

[21] Василий Великий. Послание 93.

[22] Тертуллиан. О молитве Господней 6; Августин. О нагорной проповеди Господа 2, 26.

[23] Иоанн Кассиан. Собеседования 22, 5.

[24] Симеон Новый Богослов. Огласительное слово 4, 604–616.

[25] Симеон Новый Богослов. Слово нравственное 10, 760–764.

[26] Симеон Новый Богослов. Послание 2, 106–128. См.: Иларион (Алфеев), митр. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное Предание. М., 2013. С. 111–114.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/49981/